

Н.П. Колпакова. У золотых родников: Записки фольклориста. СПб., 2002. 331 с.

К 100-летию со дня рождения Н.П. Колпаковой¹ – известной исследовательницы и собирательницы отечественного устного народного творчества, доктора филологических наук, члена Союза писателей СССР² – изданы ее дневники времени экспедиционной работы на Русском Севере в 1920-х и 1950-х годах, подготовленные к печати А.Ф. Некрыловой и А.В. Грунтовским.

В 1926 г. Наталья Павловна поступила в аспирантуру Государственного (теперь Российского) научно-исследовательского института истории искусств, где в тот год была создана секция крестьянского искусства, объединившая сотрудников, желавших всесторонне изучать массовую культуру в словесном, музыкальном, театральном, изобразительном, этнографическом, прикладном, архитектурном и бытовом проявлении, а также ее современное состояние. Поиск новизны, появившейся после революции, и выявление усилившегося влияния города требовали сбора сведений на местах.

Решили обследовать Русский Север, где сочетание укоренившихся новых форм жизни, а также искусства могло ощущаться особенно рельефно. В регионе никогда не было крепостного права, солдатских постоев, грамотность оставалась низкой, обитало большое количество старообрядцев. Все это способствовало сохранению всевозможной архаики и пережитков в мировоззрении крестьянского населения. Кроме того, именно там в середине XIX столетия был обнаружен один из самых богатых очагов былинной традиции, и издавна проводилась более или менее систематическая собирательская работа. Следовательно, повторные записи могли прояснить важнейшую проблему фольклористики – судьбу классических жанров устной поэзии и определить те изменения и сдвиги, которые происходили в жизни русского эпоса, бытовавшего здесь в рамках определенных традиций и художественных школ.

Всего в 1920-х годах провели четыре летних выезда. Начали обследование с Заонежья, где сказывалась близость такого мегаполиса, как Ленинград. В северные дебри решили углубляться постепенно, двигаясь по следам колонизаторов – новгородцев и москвичей; вторая поездка была на Пинегу, а затем последовали Мезень и Печора.

Своеобразие, необычность и значимость первой экспедиции заключались в ее комплексности. 17 единомышленников разного научного профиля трудились рядом, совместно, что давало возможность получить одновременное всестороннее представление о культурно-бытовом облике того или иного населенного пункта или определенного района в целом. Песни изучали в связи с обрядами и действиями, тексты фиксировались синхронно с напевами; костюм рассматривался вместе с праздником, по случаю которого он надевался; роспись на деревянной самодельной посуде сопоставлялась с трудовыми песнями; зодчество соотносилось с жизненным укладом крестьян. Фиксация устной поэзии велась повсюду, при любых обстоятельствах в будничной обстановке: в деревнях, в пути при пешем или водном передвижении, в тесном кругу и в присутствии большой аудитории.

Никто не замыкался в своей узкой специализации, каждый старался выявить и отметить самую разнообразную информацию. Поэтому не удивительно, что путевые дневники “для себя” Натальи Павловны (они велись помимо официальных ежедневных записей, которые она была обязана делать, будучи секретарем экспедиции) содержат описания крестьянских построек и их внутреннего убранства, народных промыслов, множество всевозможных лингвистических, социологических и исторических наблюдений. В них на этнографическом фоне с подробной фольклорной цитацией рассказывается о жизни деревень, их художественном быте, выявленных сказителях и песельниках, содержатся теплые дружеские характеристики коллег, лирически описывается своеобразие природы, иронически изображены трудности кочевого быта. Некоторые из сделанных ею зарисовок и фотоснимков, составивших несколько альбомов, использованы для иллюстрации рецензируемого издания; собранные поделки умельцев пополнили фонды Русского музея.

Первую поездку возглавил опытный искусствовед и архитектор К.К. Романов. Большинство членов экспедиции участвовало в такой работе впервые (исключение составил лишь прикомандированный из Толстовского музея А.И. Никифоров), но они быстро приобрели опыт практической деятельности в полевых условиях; серьезное увлечение массовым творчеством определило их дальнейшие профессиональные интересы. Как и Н.П. Колпакова, сконцентрировавшаяся на песнях, сваденках, свадебной и детской устной поэзии, доктором филологических наук стала А.М. Астахова – крупнейший знаток русского эпоса; степень доктора искусствоведения получил этномузыковед Е.В. Гиппиус, исследовавший народные напевы совместно с талантливой З.В. Эвальд, безвременно скончавшейся в осажденном Ленинграде; блокада погубила и А.И. Никифорова, успешно занимавшегося былинами, обрядами и сказками; в крупного сказковеда сформировалась рано умершая И.В. Карнаухова.

Для Натальи Павловны как собирателя характерна скорая и разнообразная “отдача”, т.е., по возможности, быстрая публикация обнаруженных произведений и их анализа для ознакомления общественности с новыми фактами. Северные наблюдения сначала вылились в целую серию очерков³, вскоре последовали статьи в двух сборниках ГИИИ⁴. Беллетризированной формой экспедиционного отчета стала появившаяся позже книга “У золотых родников”, куда вошла в сокращенном виде небольшая часть личных

дневников 1926–1929 гг.⁵ В данной публикации, имеющей такое же заглавие, они представлены целиком (с. 9–171), кроме того, здесь впервые обнаружены впечатления от обследования того же региона в 1956–1958 гг. (с. 172–319).

В 1926 г. в Заонежье обнаружили бытование всех жанров словесного устного творчества. Всего участники экспедиции записали 42 былины, 24 духовных стиха, почти 500 песен, более 1000 частушек, 278 загадок, 138 сказок, 63 заговора, 38 причитаний, без малого 300 пословиц, поговорок, прибауток, 16 игр, в том числе совершенно неизвестную пародию на свадьбу. Примерно 250 мелодий зафиксировали на слух и 112 – на фонографе. Его очень боялись, особенно, старухи, считавшие, что в “машине” (впрочем, как и в фотографическом аппарате) сидит дьявол, поэтому души их погибнут, если они станут петь в “трубу” (т.е. в рупор) или разрешат себя сфотографировать. Но, привыкнув, с изумлением и удовольствием сообщая слушали воспроизведения записей. Одна бабушка чуть не расплакалась от умиления, услышав, как верно было все “отпето обратно”: “Вот ведь, милые вы мои, внучке-то Нюшке я тыщу раз эту песню пела, не могла девка понять, а ен-то, голубчик, сразу понял!”

Так же удачно прошла поездка 1927 г. на Пинегу, принеся только по Каргопольскому р-ну свыше 80 былин и духовных стихов, 375 песен, больше тысячи загадок, 400 сказок, 163 заговора, 375 загадок, приблизительно 400 музыкальных образцов, 6 вариантов свадебного обряда – в отличие от Заонежья здесь меньше ощущалась близость города и потому удержалась самобытность северного крестьянства.

Летом 1928 г. отправились на Мезень, в верховьях которой находилось мало приезжавших и проезжавших сторонних людей, что определило наличие у здешнего населения старых традиций в обычаях, обрядах, одежде и быту. Заговоры продолжали оставаться таким же предметом домашнего обихода, как и другие сведения по хозяйству, которыми богаты мезенские крестьянки. Популярными были давние гадания – летние на Иванов день и зимние под Новый год и Крещение. Классические песни знали не только женщины, но и многие пожилые мужчины, причем в их репертуаре присутствовали интереснейшие древние варианты; на Пинеге их помнили только особо “певкие женки” или старухи. 18–20-летняя молодежь пела старинные песни так же умело, как и их бабушки. По впечатлению Натальи Павловны песенный массив по всей реке, по-видимому, был сходным; в деревнях из-за их близости друг к другу некоторые тексты совпадали почти дословно (что представляло интерес в плане изучения устойчивости традиции). Однако напевы различались: в верховьях Мезени пели протяжно и медленно, в низовьях – “заворачивали гораздо круче”, так как темп жизни старались ровнять по городу; там же бывало множество частушек с укороченными начальными строчками, что определялось особенностями местной народной музыки.

В 1929 г. во время пребывания на Печоре обнаружили разницу между песенным репертуаром жителей верхнего и среднего течения реки, что можно было объяснить условиями первоначальной колонизации и неодинаковым бытовым укладом. В Усть-Цилемском р-не, где фольклор прежде почти никогда не записывался, заметили удивительное смешение разных эпох, отсутствовавшее в других местах. В одной и той же семье девушки 16–17 лет заматаны платками, ходят в сарафанах до пола, неграмотны, а их младшие сестры – пионерки, веселые, бойкие школьницы. Но такая новизна ярко видна пока только в быту, а в народную поэзию проникает мало. Отношение исполнителей к тому, что они поют и рассказывают, самое серьезное. Старую песню знают все, ее берегут и ценят, тексты длинные, развернутые, без сокращений (на Пинеге же бывали случаи, когда сознательно выбрасывались некоторые описания и подробности – “гораздо долго все это петь-то”).

В устье Печоры другая картина: матери со слезами умиления поют о Воробьевых горах и Еруслав-городе, а дочери пляшут модные “кадрели” и не интересуются стариной и традиционными поэтическими текстами.

За 16 рабочих дней смогли зафиксировать примерно 500 песен, былины, сказки, легенды, загадки и частушки.

В 1950-е годы на Печоре и Мезени вновь оказались ленинградские собиратели. Но теперь это были не комплексные отряды, а небольшие группы сотрудников Отдела народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где Н.П. Колпакова работала с 1953 г. Под ее руководством провели три экспедиции, участниками которых были словесники В.В. Митрофанова и З.И. Власова, музыковеды Ф.В. Соколов и В.В. Коргузалов, оснащенные магнитофонами. Хотя заранее знали, что здесь перемен меньше, чем в деревнях центральной России, так как на Севере новации с большим трудом пробивались сквозь плотные пласты вековых традиций, но тем важнее было их уловить, подметить и осмыслить. Записи через тридцать лет в тех же местах и в ряде случаев от знакомых исполнителей давали возможность проведения углубленного исследования следующей стадии жизни классической устной поэзии.

В 1955 г. обследовали три печорских микрорайона: г. Усть-Цильму и притоки Печоры – Цильму и Пижму, в верховьях которых раньше записи былин не производились.

В Усть-Цильме на святках еще ходят “масками”, т.е. ряжеными, поют виноградия. На летние праздники устраивают “горки” – чинные гулянья на высоком берегу с пением хороводных песен, но теперь в меньшем масштабе, потому что много молодежи уехало. Наблюдаются сдвиги и сбои установившегося

порядка прежних празднеств; вообще обрядовая поэзия неукоснительно переходит в простую забаву. Заметна потеря плясовых песен, заменяемых инструментальной музыкой. Устойчиво живут песни лирические и протяжные; удалось обнаружить почти все, что ранее пользовалось популярностью. Новых песен не складывают и даже не понимают принципиальной необходимости в их существовании, “коли от старых во рту тесно”. В девичьих альбомах встречаются любовные песни из советских кинофильмов, но преимущественно мешаночного и бландного характера.

В культуре печорцев уменьшилась роль былин как бытового явления, круг сказителей, исполнявших сказания или только хранивших их в своей памяти, заметно сузился.

Всего на Пижме записали 11 былин, 171 песню (только в дер. Загривной за сутки зафиксировали 40), 164 частушки и изрядное количество духовных стихов. На Цильме – 8 былин, 197 частушек, 2 причитания, 2 считалки, 128 песен (традиционных лирических, исторических, лиро-эпических, свадебно-величальных и припевок).

Лето 1956 г. посвятили обследованию низовьев Печоры. Как выяснилось, множество песен, бытовавших в 1929 г., уже забыто; сохранившиеся, в основном лирические и протяжные, совпадают с репертуаром Усть-Цильмы, но отличаются музыкальным ладом и манерой исполнения. Девушки знакомы с произведениями профессиональных композиторов, которые звучат на вечеринках, в клубах и на улицах. Школьницы-подростки сложили немудреную песенку о родном Нарьян-Маре, известную многим ребятишкам, распеваящим ее хором.

Былины исчезли почти полностью, чему немало способствовали малограмотные культработники на местах. Бросилось в глаза полное отсутствие интереса у соседей к исполнению эпоса их односельчанами, такое равнодушие контрастировало с трепетным вниманием к былинщикам на Цильме и Пижме. Но отдельные сказители еще есть; однако они не имеют вокруг себя молодой поросли, и им некому передать свои знания. В общей сложности экспедиция выявила 37 былин; из них 29 полных текстов, 5 фрагментов с мелодиями и 3 прозаические богатырские сказки.

Поездка 1958 г. на Мезень показала, что репертуар заговоров, примет и суеверий, имевшийся в 1920-х годах, фактически исчез. Девушки еще гадают на Новый год, но, как утверждали пожилые, “а только уже [при этом] смеются ноне, взаправду-то, конечно дело, не верят, а так балагурят”. Устно-поэтические произведения, связанные в прошлом с престольными праздниками, утратили свое религиозное значение, и все чаще начинают переноситься на празднества колхозного календаря, ритуальные формы приобретают характер веселых массовых развлечений с песнями, плясками, веселой “гостьбой” и угощением приезжих родственников из других деревень. Конечно, бытовая основа развлечений – традиционна, но общий характер их уже совсем иной.

Основной песенный строй одинаков по всей реке, однако в Лешуконском патриархальном районе он сохранился лучше.

Живой былинной традиции, практически, нет. Есть воспоминания о былых искусных сказителях, да и то смутные. В дер. Малые Нисогоры обнаружили С.Ф. и Н.Ф. Поздняковых, сыновей крупного сказителя, с которым А.М. Астахова работала в 1928 г. Они уже почти ничего не помнили из того, что когда-то усвоили от отца, так как в 1930-х годах по всей Мезени очень сурово прокатилась волна запрета на приверженность к старине. За пение былин и духовных стихов, в которых упоминались такие одиозные личности, как “князь-бояра”, князь Владимир и другие подобные персонажи, виновные подвергались репрессиям. Но все-таки в г. Мезени записали 4 полных эпических текста и несколько фрагментов, в дер. Смоленец бабушка А. Клишова неожиданно для себя “сходу” спела две былины; в дер. Юрома записали два полных сказания и 18 песен; в дер. Бедовой на Мезени Н.И. Сулов вспомнил три былины и старую лирику.

Участники экспедиции записали интересные частушки, явно не книжного происхождения, отличающиеся местным колоритом, довольно много локальных пословиц и загадок.

Обследование Печоры и Мезени через тридцать лет показало значительное изменение северной деревни во всех отношениях. Конечно, старое отмирало и прежде, но в 1950-е годы этот процесс все ускорял и ускорял свои темпы. Медленно происходили преобразования в глубоких пластах внутреннего мира, ибо отказаться от платка и сарафана легче, чем от веры в домового или свадебных примет, но традиционный фольклор постепенно и неукоснительно становился поэтически пережитком.

Наталья Павловна пришла к выводу, что в исторических песнях забываются и выветриваются имена реальных лиц, однако сюжет сохраняется, но в него вплетаются образы других героев. Бытующая классическая лирика стала по-иному использоваться в художественной практике народа. Трансформировался возраст исполнителей, песни перешли, главным образом, в репертуар небольших деревенских хоров или групп из двух–трех пожилых женщин. Тексты, записанные дважды – в конце 1920-х и затем в 1950-х годах, подчас от одних и тех же певцов, во втором случае могли утратить повторы строк, различные украшающие детали, частности, ничего не прибавляющие к восприятию сути⁶.

Устная эпическая традиция вступила в завершающую фазу. Еще сохранились единичные случаи пения былин и наличие в весьма незначительном числе хороших сказителей, но вследствие редкой востребованности происходит утрата текстов, ощущается воздействие смежных жанров, в особенности сказки.

Процесс угасания как эпической, так и песенной старины происходит в разных местах неравномерно в зависимости от многих факторов: прочности прошлой фольклорной традиции, отношения к ней местного населения (чем определяется система преемственности), изменения условий бытования. По предположениям Натальи Павловны, самый древний пласт народной поэзии будет еще наличествовать какое-то время, но вскоре останется лишь в воспоминаниях и сохранится только в записях фольклористов.

Книга “У золотых родников” открывается вступительной статьей В.Е. Гусева, являющейся расширенным вариантом некролога, напечатанного в 1994 г.⁷, а завершается “Библиографией работ Н.П. Колпаковой”, составленной А.Ф. Некрыловой в хронологической последовательности. Длительную и хлопотливую организационную работу по изданию дневников начал В.Е. Гусев, а после его скоростижной смерти начатое им дело успешно завершила А.Ф. Некрылова. Тщательно подготовленный список можно дополнить сведениями о помещенных в ленинградской периодической печати 1920-х – 1930-х годов лирических стихотворениях Н.П. Колпаковой и ряде ее ранних научных разысканий о крупных отечественных поэтах (например, “Неизданный Фет” в сборнике “Поэтика”. Л., 1926), указанием рецензии И. Кутасова (“Красная Карелия”. 1938. 16 апр. № 87) на подборку “Старая и новая Карелия в частушке” (Петрозаводск, 1937, совместно с А.М. Астаховой); отзывает А. Ермолаевой (Звезда. Л., 1944. № 2. С. 113–115) и Н. Михайлова (Ленинград. 1944. № 9. С. 16) на “Частушки Ленинградского фронта” (Л., 1943).

В большой массив перечисленных в библиографии обработок фольклора разных народов для детей младшего возраста и подростков следует внести данные о сборниках “Счастливый охотник: Песенки народов леса и тундры” (М.; Л., 1947), “Под ласковым солнцем: Сказки, песни, предания, загадки, пословицы народов СССР” (Л., 1980), “Заря-заряница: Русские народные сказки” (Л., 1988) и многие другие. Интересно было бы отметить все случаи перевода работ такого типа на более чем двадцать языков народов бывшего Советского Союза и зарубежных стран (Англия, Германия, Индия, Чехия, Финляндия). К примеру, сборник “Золотые руки: Сказки народов СССР о мастерстве и труде” трижды переиздавался в Ленинграде (1948, 1950, 1975), был напечатан на татарском (Казань, 1950), украинском (Киев, 1951), корейском (Пхеньян, 1951), китайском (Пекин, 1952) языках. В 1979 г. в Токио на японском языке появилась ориентированная на юного читателя антология “Русские народные сказки”, предваренная введением.

Представленные в книге “У золотых родников” яркие и образные дневниковые записки о Русском Севере, которые Н.П. Колпакова вела из года в год, из поездки в поездку, обладают особой ценностью. Они доносят до нас уникальные фактологические данные 1920-х и 1950-х годов о массовой народной культуре одного из своеобразных российских регионов. Помимо того, Наталья Павловна, стоявшая у истоков нашей современной отечественной фольклористики, запечатлела начальный этап ее формирования и появление выдающихся ученых, во многом проложивших пути последующим исследователям русского устного творчества.

Примечания

¹ Публикации к юбилею Н.П. Колпаковой см.: Из истории науки // Живая старина. 2002. № 4. С. 33–36.

² Высокая оценка деятельности Н.П. Колпаковой дана А.А. Гореловым в его мемуарах “Памяти фольклористов – коллег, наставников, товарищей” // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 31. СПб., 2001. С. 446–447.

³ Колпакова Н.П. Изучение Карелии: Путевые наброски Пинежской научной экспедиции // Красная Карелия. Петрозаводск, 1926. 28 июля. № 168; 4 авг. № 174; 14 авг. № 183; 22 авг. № 189; 2 сент. № 198.

⁴ Колпакова Н.П. Песня на Шуньгском полуострове: Литературная эволюция // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Т. 1. Заонежье. Л., 1927. С. 121–146; Она же. Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Т. 2. Пинежско-мезенская экспедиция. Л., 1928. С. 117–176.

⁵ Колпакова Н.П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. 199 с. Рецензии: Молдавский Дм. Родники слова // Вечерний Ленинград. 1975. 21 июля. № 169; Круглов Ю. С фонографом за песнями... // Юность. М., 1976. № 3. С. 79; Лойтер С.М. У северных родников // Север. Петрозаводск, 1977. № 2. С. 126–128; Круглов Ю. Чистые родники поэзии: Обзор научно-популярной литературы о фольклоре // В мире книг. М., 1977. № 3. С. 65–66.

⁶ См. отчеты о поездках: Колпакова Н.П. На Печоре: Фольклорные экспедиции Института русской литературы АН СССР // Сов. этнография. 1958. № 6. С. 146–151; Она же. На Мезени // Там же. 1960. № 2. С. 171–173 и статьи: Колпакова Н.П. Новые записи былин на Печоре // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1957. С. 272–276; Она же. Новые песни в записях ленинградских фольклорных экспедиций последних лет // Там же. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 434–440.

⁷ Гусев В.Е. Очарованная страница // Живая старина. 1994. № 4. С. 55.